

Елена Усачева

Любовь под знаком
Зодиака

Близнецы

В поисках половинки

Любовь под знаком Зодиака

Елена Усачева

Близнецы. В поисках половинки

«ЭКСМО»

2009

Усачева Е. А.

Близнецы. В поисках половинки / Е. А. Усачева — «Эксмо»,
2009 — (Любовь под знаком Зодиака)

ISBN 978-5-699-35751-2

Близнецы – знак двойственный и противоречивый. Их настроение меняется быстрее погоды, они способны любить и ненавидеть одного и того же человека... Мила – типичный Близнец. Она никак не может разобраться в себе, отношениях с подругами и... чувствах, которые испытывает к Антону. С одной стороны, он ей безумно надоел. С другой – она постоянно о нем думает. Ну ничего, Мила не зря предложила провести в классе зодиакальную вечеринку! Там каждый сумеет найти для себя идеальную пару...

ISBN 978-5-699-35751-2

© Усачева Е. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Усачева

Близнецы. В поисках половинки

«Астрология – точная наука, все сказанное в гороскопах обязательно сбывается.

Только неизвестно когда, где, с кем и что конкретно».

Глава 1

Волейбол – игра коллективная

«Близнецы не признают условностей, выступают против любых устоев, нарушают правила, восстают против учителей, защищают от всех свою индивидуальность. Могут стать писателями, так как обладают гибким воображением и изобретательностью. Знак олицетворяет противоречие и двойственность, свойство впадать в крайности, выражающееся в частой смене настроений».

Конь бесшумно ступал по устланной листвою дороге. Тишина вокруг стояла неправильная, странная какая-то.

Высокая красивая девушка удобней устроилась в жестком седле. Не нравилась ей эта тишина.

Девушка поправила выбившуюся из-под шляпы прядь светлых рыжеватых волос.

Поскорее бы закончилась эта война. Так хочется забыть обо всем и хотя бы неделю пожить спокойно.

Она представила себя в родовом замке, в постели. За окном поют птицы, за дверью негромко переговаривается прислуга, ожидая ее пробуждения.

Но как только образ комнаты встал перед ней, она силой заставила себя открыть глаза. Отдыхать – это потом. Сейчас стоит поспешить. Только делать все надо очень осторожно: одно неверное движение – и их план откроется, поэтому надо быть внимательной. Очень внимательной.

А в лесу стояла тишина. Неправильная тишина. Деревья замерли, опасаясь чего-то... ожидая кого-то...

Разбитая, с выпирающими корнями деревьев дорога вывела на опушку. Конь несколько раз споткнулся, так что девушка решила поменьше смотреть по сторонам и покрепче держаться в седле. Отсюда начинались осенние поля, за ними темные крестьянские домики и чуть дальше невысокий замок – каменная серая громада на фоне закатного солнца. На одной из башенок развевался стяг. С этой точки было плохо видно, но если взглядеться, то можно разглядеть, что стяг красный, на нем изображен вставший на дыбы белый лев на фоне поднимающегося солнца.

Значит, все правильно. Принцесса здесь. Она успела скрыться от Барона и теперь ждет ее.

Сердце бешено заколотилось. Девушка подобрала повод, заставив лошадь собраться, наклонить голову и насторожить уши. Легкое движение, и конь с шага перешел в легкий галоп. Ахнула потревоженная земля. С крайних деревьев слетела стая галок. Девушка на секунду обернулась. Как раз вовремя, чтобы заметить – вдоль опушки широкой рысью идет черный конь. На нем закутанный в плащ всадник, он явно не хочет быть узнаваемым.

– Эй, эй, эй! – закричала девушка, поднимая над головой руку с хлыстом. Конь помчался вперед. Ветер ударил в лицо.

Она снова оглянулась.

Черный всадник выбрался на дорогу и тоже послал лошадь в галоп.

Бухают о землю тяжелые копыта, дорога бросается под ноги коню и уносится прочь. И только деревня не желает приближаться. По сторонам все те же безмолвные поля, все так же летят по небу галки. И темным призраком нагоняет черный всадник.

– Давай же!

Свистнул хлыст. Конь тяжело всхрапнул, дернув головой, обдал ее брызгами слюны, сделал три больших прыжка вперед, споткнулся и на полном ходу повалился на бок. Она успела только выдернуть ногу из стремени.

Конь дернулся, поднимаясь. Девушка попыталась встать, но земля уже дрожала – черный всадник был совсем близко. Она кинула взгляд, полный надежды, на замок. Оттуда должны были их заметить и выслать подмогу. Но ворота были закрыты, мост поднят. А над башней развевался флаг. Только теперь он был не красный, а желтый, и на фоне встающего солнца гордо вскидывал голову единорог. А значит, она ошиблась, в замке была не Принцесса, а Барон.

Ошиблась...

Всадник почти нагнал ее. Она слышала тяжелое дыхание его коня, чувствовала, с какой силой вбивает он свои копыта в землю. Плащ бьется на ветру. И это лицо... Это ненавистное лицо Виконта...

Всадник налетел на нее. Земля встала дыбом, зазвенел, затрясся воздух. Заржал испуганный конь, и...

Ну же! Дорога пуста. Виконт догнал ее, ту, кого так ненавидел и кого любил больше жизни. Он должен спрыгнуть с седла, помочь ей встать. Но конь застыл, бьют по воздуху передние ноги, из его груди вырывается уже не ржание, а звон.

Воздух задрожал, начал плавиться, стирая поле, деревню, замок, единорога. Девушка откинулась, ударившись обо что-то мягкое.

Звон вколачивался ей в мозг, рождая нехорошее желание кого-нибудь стукнуть.

Мила пошарила рукой по тумбочке, пытаясь нащупать будильник.

Получилось!

В обрушившейся тишине к ней сразу вернулся сон – дорога, лес, корни деревьев, поле, деревня.

– Мила, что у тебя происходит? – простонали за стеной.

– Спи! – крикнула Мила, силой поднимая себя с кровати. – Рано еще, – прошептала она, пытаясь удержать себя в состоянии сна.

Свет резанул по глазам, непослушные пальцы отказывались держать ручку.

«Конь бесшумно ступал...»

Это был лично ею придуманный Метод. Метод Милы Кудряшовой. Роман о Принцессе и ее верной подруге, о коварном Бароне и влюбленном Виконте она начала сочинять год назад. Уже были исписаны две толстые тетради. Поначалу рождающиеся в ее голове картинки буквально валили ее с ног. Она постоянно думала о своих героях, пропуская все, что говорили учителя. Ее жизнь была настолько наполнена этими бесконечными драками и погонями, что они стали сниться ей по ночам.

Сны с продолжением. И если раньше Милу Кудряшову невозможно было загнать в кровать, то сейчас она сама укладывалась спать, готовая, как по телевизору, смотреть продолжение своей повести.

Однако новая серия получалась не всегда. Иногда вместе с пробуждением уходила и сама история. Тогда Мила придумала Метод! Она стала будить себя на час раньше. Известно ведь, что если человека разбудить посередине сна, то сон непременно запомнится. Так и она заставляла себя просыпаться, чтобы запомнить продолжение и записать его.

«Конь бесшумно ступал...»

Главная героиня, с которой Милка всегда ассоциировала себя, попала в плен к Виконту. Ее обманул стяг, и теперь она в ловушке. И как выбраться оттуда, Милка пока не знает, но следующая ночь непременно даст подсказку.

«Конь упал...»

Она все еще стоит, склонившись над столом, от волнения трясутся руки, голова чуть кружится от нахлынувших образов.

«Всадник приближался...»

Так всегда бывает во сне. Кажется, что ты бежишь, очень быстро бежишь, но дорога, словно болото, засасывает, не отпуская с одного места. Дурацкое ощущение, когда ты стремишься вперед, при этом все время оставаясь на месте.

Брр.

Мила передернула плечами. Она все еще была босиком и в ночнушке – около открытого окна. И хоть на улице намечалась весна, ночной воздух был холодным.

«Можешь больше не торопиться, – захохотал Виконт».

Да! Сейчас он ее свяжет, перекинет через седло и отвезет в замок, где Барон будет пытаться выяснить у нее, куда скрылась Принцесса – единственная наследница престола. Без ее отречения Барон не может забрать себе власть. Он столько времени пытается найти неуловимую Принцессу, и она каждый раз ускользает от него. Естественно, под конец они должны влюбиться друг в друга. Барон женится на Принцессе, Виконт на ее подруге, и все закончится хорошо. Но пока они злейшие враги и охотятся друг за другом по всему миру.

Мила потянулась и бросила довольный взгляд на свое отражение.

Она себе нравилась. Круглое бледное лицо, на щеках от улыбки появляются ямочки, узкий ровный нос, без всяких горбинок и вздернутостей, разлет густых бровей. Невысокий лоб, прикрытый кудрявой челкой. И огненно-рыжие волосы. Хотя ей больше нравилось считать, что волосы у нее медные. Есть в этом что-то благородное.

Рыжий – цвет плебеев, а у нее все по-взрослому. Расстраивали только бесцветные ресницы, за которыми и терялись зеленые глаза, и веснушки, щедро покрывающие нос и щеки по весне – неистребимые приветы первому солнцу.

Ну и конечно, имя. Оно ей и не шло совсем. Ми-ла. Да еще стишок этот дурацкий:

Утром маме наша Мила
Две конфетки подарила.
Подарить едва успела,
Тут же их сама и съела.

Вспомнить бы, чей он... А идиотское обращение Милочка? И как с таким именем жить? Впрочем, бывали моменты, когда она мирилась и с именем, и с веснушками. Например, сейчас, когда ей было хорошо. По крови еще бродили токи вдохновения, в ушах стоял топот копыт, лицо зарделось, словно это она только что на бешеной скорости уходила от погони, именно ей в глаза било закатное солнце.

Мила вздохнула и отодвинула тетрадку.

Повалиться, что ли? До школы еще целый час.

Она села на кровать и уже представила, как голова ее сейчас утонет в мягкой подушке, как вдруг раздался телефонный звонок.

– Милую Милу подруга будила, – пропел в трубке противный голос Верки Лисичкиной. – Встала?

– Ты чего орешь? – накинулась на нее Мила. – Ночь на дворе!

– Сама собиралась идти на тренировку. Громче всех требовала, чтобы сделали ее нулевым уроком, – удивилась Лисичкина. – Ты чего, заспала это событие?

Черт, тренировка! Точно! Вот почему она поставила будильник на час раньше! Надо было успеть проснуться, все записать, а потом еще и на сорок пять минут раньше в школу прийти.

Сдалась ей эта тренировка! Она уже и не помнит, зачем так настаивала, чтобы все пришли в такую рань.

– Ну? – буркнула Мила в трубку, оглядывая комнату. Где лежит форма, она не помнила.

– Тетрадку мою по алгебре возьми, – напонила Верка. – А то опять забудешь.

– Возьму, – заверила ее Мила и повесила трубку. Про тетрадку она тут же забыла.

Хорошего настроения как не бывало. Порывы ветра, топот копыт, бешено колотящееся сердце – все это осталось в прошлом.

Мила посидела на кровати, мысленно собирая аргументы, почему ей на тренировку идти стоит. Во-первых, там будет народ, во-вторых, можно будет потом всем рассказывать, что была на нулевом уроке – до этого никто на нулевой урок не приходил. Что еще? Еще, еще... Точно! Еще у Гальки Чуйкиной можно будет забрать диск с фильмом. Чужа его принесет для Петьки Вербилина. Можно попробовать его перехватить раньше Петьки. Вербилин перетопчется до следующей недели!

Ладно, Лис, уговорила, Мила пойдет на тренировку.

Кудряшова силой спихнула себя с кровати и начала одеваться. Судя по гнущимся деревьям, на улице было ветрено.

Несмотря на холод, около школы собралась почти вся волейбольная команда. Невысокая Вера Лисичкина стояла, ссутулившись, глубоко засунув руки в карманы куртки, недовольно оглядывалась. Видимо, будила она не только Милу, но и всех остальных и теперь сверялась с мысленным списком – все ли дошли.

Галка Чуйкина сонно моргала глазами – из серии поднять подняли, разбудить забыли, из-за чего ее помятое со сна лицо казалось совсем некрасивым. Крупный Антон Верещагин довольно поглядывал по сторонам, за его спиной вертелся пытающийся ему угодить тощий Леха Белов. Кирилл Федоров подошел одновременно с Милой. Следом за ними появился Пингвин – Георгий Степанович Мезин, за свою полноту и косолапую походку прозванный именем никогда не летающей птицы.

Пингвин позвенел ключом, надетым на палец, и поднялся по ступенькам к входной двери.

– Тетрадку принесла? – скользнула к Миле Лисичкина.

– Какую тетрадку? – Кудряшова сделала невинное лицо, хотя, уже выходя из дома, вспомнила, что не выполнила Веркиной просьбы. – Слушай, Лис, ты бы еще среди ночи позвонила из-за своей тетрадки. Я спала наполовину, когда ты о ней говорила.

Вера расстроено отступила.

– Никогда больше тебе ничего не дам, – бросила она в спину исчезающей за дверью одноклассницы.

– Ой, подумаешь, – фыркнула Мила, хватая за руку Галю. – Привет, представляешь, я сегодня в такую рань встала...

– Все встали, – хмуро отозвалась Чуйкина. Было видно, что она не выспалась и готова прямо сейчас где-нибудь пристроиться, чтобы доспать недостающие полчаса.

– Ты кино Вербилина принесла? – Кудряшова не давала Гале впасть в анабиозное состояние полусна-полуяви. – Слушай, дай мне, а я потом ему передам.

– Как же ты передашь? – стала понемногу просыпаться Чуйкина. – Тебе вообще ничего нельзя давать. Не вернешь.

– Когда это я не возвращала? – возмутилась Мила, заставляя Галю проснуться окончательно. – Всегда возвращала! А Вербилин точно заиграет. Пойдет к кому-нибудь посмотреть и там забудет.

– Зачем забудет? – насторожилась Чуйкина. Они с Вербилиным были в полулюбовых-полудружеских отношениях, и, может быть, сейчас решался вопрос, в какую сторону эти отношения будут двигаться дальше.

– Ну, не забудет, так потеряет. – Мила без зазрения совести продолжала заваливать в глазах одноклассницы неплохого, в общем-то, парня Вербилина. – Давай мне! Я точно верну.

Убежденная этими словами, Галя потянула язычок на «молнии» – диск был в рюкзаке.

– Не, не отдаст. – Рядом с ними откуда ни возьмись появился вездесущий Леха Белов.

Язычок выскользнул из пальцев. Чуйкина с сомнением покосилась на Белова.

– Я тебя сейчас убью, – кинулась вперед Мила, и они вместе побежали в сторону раздевалки. Галя вздохнула, вновь погружаясь в мечтания. Ну вот, Вербилин теперь не обидится, что она отдала диск не ему, и, может быть, они сходят в развлекательный центр, поиграют на автоматах.

Мила пробежала вслед за Лехой весь коридор и остановилась. Белов нырнул в мужскую раздевалку, соваться туда Кудряшова не собиралась.

«Вот невезуха, – в сердцах обругала она себя за неуклюжесть. – День дурацкий», – добавила она и задумалась. Где-то с этой мыслью она уже встречалась. По телевизору? Или кто-то из прохожих на улице сказал? Осень, листья... Нет! Это было в ее книге.

Прыгая через ступеньку, Мила сбегала по лестнице, и тут ее осенило, как подруга Принцессы спасется из замка коварного Барона! Она свяжет простыни, выбросит их из окна и спустится на землю. А там, около леса, ее будет ждать верный конь. Черный, как сама ночь! Или белый?

– Мила! – крикнули из темноты коридора. – Ты чего стоишь?

В щеку ее клюнул холодный нос Ленки Замятиной.

– Вот, читай свой гороскоп!

У Милы перед мысленным взором еще стояла удивленная морда черно-белого жеребца, про которого Мила не придумала, какого он будет цвета, а в руки ей уже настойчиво пихали журнал.

– У тебя сегодня потрясный день. – Ленка закатила глаза, показывая, до какой степень Миле сегодня повезет. – Надо Верещагину сказать. Он тоже Близнец.

– Чего это «тоже»? – возмутилась Мила.

Не любила она, когда ее с кем-то сравнивают. Тем более Милу бесило, когда начинали говорить, что «тоже» родились под ее знаком Зодиака. Близнецом могла быть только она! Только! Никакого Пушкина, Конан Дойла и Мэрилин Монро с Верещагиным. Хотя Мэрилин Монро можно и оставить, тем более она давно умерла. А вот Верещагина надо гнать поганой метлой в какой-нибудь соседний знак!

Мила подошла ближе к свету. Так, что тут напридумывали?

«Зодиакальный знак Близнец правит третьим домом гороскопа...»¹

Правит...

Точно! Ее героиня выдаст себя за Принцессу и пройдет три замка. В третьем она станет править. Длинный парадный зал с колоннами, в середине узкая ковровая дорожка, и она, в тяжелой меховой мантии с золотой короной на голове.

– И чего тут?

Журнал из ее рук вырвали. Мила очнулась от своих фантазий и посмотрела по сторонам. Верещагин быстро пробежал по тексту глазами и перекинул журнал Белову.

---

¹ В самом широком смысле астрологические дома представляют собой двенадцатичленное деление картины звездного неба. Система домов отображает вращение Земли вокруг своей оси, в то время как деление на знаки Зодиака отображает движение Земли по орбите вокруг Солнца. Дома аналогичны знакам, то есть первый дом соответствует Овну, второй – Тельцу, третий – Близнецам и так далее. – *Авт.*

– Чушь всякую пишут, – усмехнулся он, с какой-то нехорошей улыбкой оглядывая Кудряшова с ног до головы.

– Не про тебя, вот и кажется, что чушь! – фыркнула Мила, отбирая у Белова журнал.

– Почитай, почитай, – Верещагин хлопнул Кудряшова по плечу. – Глядишь, и найдешь пару знакомых букв.

От такой фамильярности Мила на мгновение забыла, как дышать. Она вытаращила глаза, открыла рот, чтобы сказать этому нахалу какую-нибудь гадость, но подходящих слов, кроме слова «дурак», в голову не приходило.

И тогда она накинулась на Леху.

– А ты чего лыбишься? – шагнула она к нему. – Давно по чайнику не получал? Моргалы прикрой, а то выскочат.

И она отправилась в раздевалку, размахивая журналом, как знаменем.

– И никакой ты не Близнец! Понял? – крутанулась она на пороге. – Ошибка природы! Понял?

– Ты чего на него накинулась? – потянула подругу в глубь раздевалки Лена. – У вас, чего, роман?

– Какой роман! – все больше и больше заводилась Мила. – Ты кому журнал принесла? Ему или мне? Если мне, тогда чего ты к нему-то побежала?

– Кудряш, ты чего? – опешила Лена.

– Милая Мила Ленку пилила, – хихикнула Лисичкина, выбегая из раздевалки.

Кудряшова попыталась ее догнать и огреть по спине портфелем, но ударилась рукой о дверной косяк и завертелась на месте от боли.

Замятина хмыкнула, спрятав лицо в ладошки.

– Удачный день, говоришь? – прошипела сквозь зубы Мила. – Это у Верещагина он удачный, а не у меня.

Лена выглянула в коридор. Переодетый в спортивную форму Антон шел к выходу. Вера в чем-то убеждала его, тыча пальчиком в раскрытую ладонь. За ними тощей тенью следовал Белов.

Мила упала на лавку, тяжело откинувшись на стену.

Надо во что бы то ни стало доказать, что Верещагин не Близнец. Для этого достаточно сделать его сегодняшней день неудачным.

Она натянула свой пестрый костюмчик и побежала на выход. Вообще-то на физру надо было ходить строго – белый верх, черный низ, но ее эта однотонность убивала, душа требовала разнообразия.

По залу двигались одинокие фигуры. Пингвин крутил кулаками, разогревая и разминая запястья. Верещагин с Беловым бежали парочкой. Чуйкина клевала носом, даже бег ее не бодрил. Вера, изображая холодную независимость, бежала, высоко задрав голову.

Перед кем это она так выделывается? Уж не перед Федоровым ли?

– Чего ты сегодня какая-то странная? – толкнула Милу появившаяся в зале Лена.

Мила пропустила пробегающего Верещагина и пристроилась к нему в хвост.

Судя по множеству иностранных слов, Антон с Лехой обсуждали компьютерную игру. «Абгрейд» и «Атак» сыпались из них через шаг.

Никогда она не выйдет замуж за человека по имени Антон, неожиданно сама для себя решила Мила. Представляете, у ребенка будет отчество Антонович? Прямо как... Короче, неприличное слово получается. С Олеговичами тоже. Вот Кириллович или Александрович звучит лучше.

– Мяч держи! – долетел до нее голос Лены. – Чего ты спишь!

Следующее упражнение было таким: надо было бежать парами друг напротив друга, перекидывая мяч от груди, потом то же самое, но мяч надо было бросать из-за головы, с прыжком, с подскоком.

Мяч крутанулся у Лены в руке и пошел в сторону на Верещагина. Мила могла бы его достать. И Пингвин с другого конца зала орал, чтобы она прыгала, но Кудряшова только проследила взглядом за полетом мяча и хмыкнула, когда он встретился с кудрявой макушкой Антона.

– Кудряшова, двигаемся, не спим! – Физрук покачивающейся походкой шел к ним. – Встали друг напротив друга, разыгрываем распасы!

Мила размяла пальцы, потрясла кисть, с удовольствием заметила, что Верещагин все еще мотает головой – видимо, удар пришелся в нужную точку. Лена жалко улыбалась ему, давая понять, что все вышло случайно.

«Удачный день, говоришь? – Мила несколько раз резко ударила мячом о пол. – Близнец, говоришь? Ну-ну...»

Среди Близнецов много талантов – Пушкин, Мэрилин Монро, она вон роман пишет. А что Антон? Ничего! Часами сидит за компьютером, разговаривает только про игрушки, кто сколько уровней прошел и за какое время. Все он что-то тестирует, прогоняет и проверяет. И еще музыка. Чуть только перемена – наушники в зубы, вернее, в уши – и вперед. Не докричишься до него, не доорешься. Примитив, одним словом. Близнецы должны быть как Мила – умные, утонченные, не чуждые прекрасного, добрые, чуткие, отзывчивые. Что из перечисленного подходит Верещагину? Ничего.

Она снова посмотрела на Антона. Он прыгал с мячом, явно изображая из себя козла, а не умное и утонченное существо.

– Кудряшова! Ты работать сегодня будешь?

Пингвин давно пытался обратить внимание Милы на себя, поэтому, когда она наконец подняла голову, вид у него был недовольный. Мила попыталась как можно очаровательней улыбнуться и побежала по периметру зала, чеканя перед собой мяч.

– Ну, куда ты пошла? – рявкнул физрук, выходя из себя. – Делимся на команды!

– Кудряш, он тебя сегодня убьет, – вздохнула Ленка то ли с сочувствием, то ли с радостью и встала на заднюю линию за подругой.

– Баркас? – изумилась Мила. Почему-то она решила, что Замятина говорит о нем.

Лена поморщилась, она не любила клички, тем более такие глупые. Антона иногда звали Баркасом из-за фильма «Белое солнце пустыни». У главного героя там тоже была фамилия Верещагин, и в одной из сцен ему советовали уйти с баркаса. Классе в третьем кто-то притащил этот фильм в школу. Хохотали они и над картиной, и над красным как рак Антоном весь день.

– При чем здесь Верещагин, – раздраженно буркнула Замятина. – Ты на Пингвина посмотри, он скоро шипеть начнет от ярости.

– Спорт требует полной отдачи и концентрации внимания, – физрук ходил вдоль сетки. – Не настроенного на победу человека спорт изгоняет из своих рядов. – Он выразительно посмотрел на Милу, но та снова была «не здесь».

– Милая Мила в спорт уходила, – прошипела Вера, стоящая рядом с Леной на задней линии. – Будешь вафли ловить, закопаю прямо под сеткой.

– Ой, на себя посмотри, – отмахнулась Кудряшова, поворачиваясь к команде соперников.

На волейбол она пошла следом за всеми, и в первую очередь за Леной. Эмоциональная Замятина в таких красках описывала этот вид спорта, что Мила, которой просто нечего было делать, согласилась. Тогда у них на занятия много пришло народа, чуть ли не весь класс, сейчас осталось совсем ничего. В волейболе Миле нравились математическая точность ударов, направление, сила подачи. Игрок еще не успевал отбить пас, а она уже предугадывала, куда мяч полетит.

Вот и сейчас тощий Белов только взял мяч, только отвел руку, чтобы ударить, а Мила уже начала пятиться, выпрямляться, понимая, что для приема подачи надо будет подпрыгнуть.

– Мое! – глухо раздалось за спиной, но Мила, настроившаяся на мяч, сделала последний шаг, отдала Лене ногу, подпрыгнула, выбрасывая себя дальше вверх и перекинула мяч Федорову. Тот неуклюже отправил его через сетку.

– Мой был, – чуть не плакала Замятина, у которой из-за Милиной старательности дико болели пострадавшие пальцы ног.

– Играем! – хлопнула в ладоши Мила, возвращаясь вперед.

– Держим мяч, держим! – Пингвин с азартом носился по краю поля.

Мяч вновь взлетел над сеткой. Федоров потянулся к нему, не достал. Зал ахнул как один человек. Лисичкина поднырнула под мяч и подняла его в миллиметре от пола. Мяч от ее рук отскочил к Лене, но Мила и тут успела раньше. Мяч ударился о сетку, кувыркнулся и, перелетев через кромку, отвесно упал на пол. Шваркнула потревоженная сетка.

– Кудряшова, не одна играешь! – напомнил о себе физрук. – Дай другим проявить себя!

– А чего они стоят? – разгоряченная Мила отступала к линии подачи, чеканя мячиком о пол. – Я им не мешаю играть.

– Мешаешь, – Пингвин зло свистнул, давая сигнал к началу игры. – Замятина, вон, хромотает, Федорова чуть не прибила. Ты не одна на поле. Волейбол – коллективная игра!

«Коллективная игра», – мысленно передразнила физрука Мила, и хорошо, что он в этот момент отвернулся, а то бы получила от него Кудряшова сегодня по шее – рожицу она скорчила очень похожую.

Все дело было в том, что Мила не считала какую бы то ни было игру коллективной. Если у нее так хорошо получается играть, с какого перепугу игра станет коллективной? К тому же коллектив явно подкачал.

Вот – мяч точно пошел в центр поля, а никто там даже не почесался. Только Антон шевельнулся, но ему было не достать. Дура она была, когда послала мяч в сторону Верещагина. Он прыгучий, отовсюду достанет, и двигается всегда в сторону мяча. Может, тоже просчитывает? Не, не может, он же не Близнец!

Они отыграли получасовую игру, до головокружения меняясь местами, потому что под конец мячи слишком часто стали падать на пол и пролетать мимо рук.

– Все, отбой! – последний раз свистнул Пингвин. Лена перекинула мяч Миле, та привычно прочеканила его несколько раз... а дальше...

А дальше произошло неожиданное. Мила мягко поймала мяч в ладони, быстро подняла голову и увидела, как стоящие ближе к выходу ребята потянулись в раздевалку. Антон как раз проходил мимо двери в тренерскую, и вполне логично было перебросить мяч ему, чтобы он оставил его за порогом.

– Верещагин! Баркас, лови! – крикнула Мила и послала мяч через все поле.

Или она сначала кинула мяч, а потом крикнула?

Верещагин отреагировал сразу. Он выпрямился, подался чуть назад, чтобы скорректировать момент встречи с мячом, локтем удачно врезал плетущемуся следом за ним Белову в живот, отчего Леха согнулся, попятился и свалился на лавку. На самый край. Лавка встала дыбом. Белов взмахнул рукой, пытаясь удержать равновесие, и вцепился в сетку, которой были занавешены окна. Всегда прочная сетка, выдержавшая не одно поколение скалолазов, затрещала, верхний крепеж взвизгнул, и вся сложная конструкция карниза одним углом полетела вниз. Другой ее край ударился в потолок, прочертил на нем глубокую борозду и застрял. Упавший край карниза ударил по подоконнику, от чего экран, закрывающий высокие батареи, треснул, из-под него посыпались килограммовые гантели.

Девчонки брызнули во все стороны, визг перекрыл грохот железа. Пингвин сквозь весь этот бардак пробивался к приклеенному от страха к лавке Белову. Лена висела на плече у Милы

и пыталась докричаться до нее через шум. Но Кудряшовой никакие слова были не нужны. Она смотрела на Антона. Он стоял среди этого апокалипсиса с мячом в руках целый и невредимый.

– Вот, блин, везунчик, – прошептала Лена. После такого шума громко говорить было страшно.

«Везунчик...» – толкнулось в голове Милы, и она медленно пошла из зала.

Глава 2

Огни Святого Эльма

«Близнецы физически выносливы, но переутомление в сочетании со скукой вызывают резкое ухудшение состояния их здоровья. Близнецы – знак воздуха, поэтому они легки в общении и делах, легко сходятся с людьми. В общении требовательны, особенно щепетильны относительно пунктуальности, хотя сами к себе с такой же требовательностью не подходят. Чаще всего начитанны, а если не начитанны, то «наслышаны», по крайней мере, обо всем имеют свое мнение».

Далеко уйти Мила не успела. Ребята бросились разгрести завал и вытаскивать из-под сетки тарашившего глаза Белова. Посреди суеты только два человека оставались спокойными. Мила, потому что Белов сам был виноват, нечего было граблями размахивать, и Верещагин, даже не подумавший двинуться в сторону друга. Он стоял в сторонке, крутил в руках мяч, делая вид, что его вообще здесь нет.

– Вот Белов дал! – хихикала вернувшаяся с разбора завала Лена. – Ты слышала? Он говорит, что его сглазили. Что он сегодня уже подвернул ногу, выбил палец на руке, а тут еще эта сетка...

– Фигня этот ваш волейбол, – вздохнула Мила. Казалось, возбужденного рассказа подруги она не слышала. – Сплошные душевные травмы.

Лена застыла, открыв рот. Подруга удивляла ее способностями иногда свернуть какое-нибудь словечко, после чего оставалось только хлопнуть глазами да переваривать услышанное.

– Тебя, чего, штангой задело? – забеспокоилась она.

– Задело, что Верещагин не пострадал, – буркнула Мила, продолжая свой путь к раздевалке. – Да и вообще – надоело все! Куда ты журнал с гороскопом дела? – без перехода спросила она.

– В портфеле лежит, – пробормотала Лена, вынужденная идти следом за Кудряшовой. Если Мила спросила про журнал, то лучше ей его сразу дать, а то ведь подруга может и весь рюкзак перетряхнуть, ищи потом рассыпанные по дну ручки и ластик. Мила такая, Мила может...

А Кудряшова мысленно мчалась вперед, почти построив в уме сложную цепочку событий, которые наверняка докажут, что Верещагин кто угодно, только не Близнец. Но на ее пути снова встала Вера Лисичкина.

– Милая Мила Пингвину вредила, – противным голосом проблеяла она. – Ты чего зал крушишь?

Мила дернула плечом – к разрушению зала она не имела никакого отношения. Она уже собралась пройти мимо, когда в голову ей пришла гениальная идея.

– Послушай, Лис! – схватила она Веру за руку и поволокла к раздевалке. – Ты же с Чуей сидишь? Стрельни у нее диск на денек. Ну, тот, что она Петьке принесла. А я завтра верну.

– Как и мою тетрадку? – Лисичкина попыталась высвободиться из крепкого захвата одноклассницы.

– Ой, да принесу я тебе тетрадку, – Мила сделала невинное лицо, как будто впервые о чем-то забыла. – Ой, подумаешь, ерунда какая! Сейчас метнусь домой и принесу. А ты попроси диск, ладно?

Дождавшись утвердительного кивка, Кудряшова скатилась вниз по лестнице. До начала урока осталось десять минут. Если очень поторопиться, то она успеет на занятия без задержки. Но даже если она и опоздает, ничего страшного не будет. Подумаешь, учитель выплеснет на нее свою негативную энергию. Поругается и успокоится. У учителей работа такая – сердиться.

Пока шла по улице, вспомнила, что так и не взяла журнал у Замятиной. Что же там такого могло быть написано, что подходило и ей, и Верещагину? Они же такие разные – что хорошо ей, то смерть для него, а что хорошо ему, точно не подойдет ей. Она, вон, правит третьим домом. А он чем правит? Малахольным Беловым?

Кстати, о правлении. Она попыталась вернуться к своей брошенной посередине поля героине, но правильного настроения не было, герои казались картонными и не спешили оживать.

Мила вздохнула и впервые за сегодняшний день огляделась вокруг. Погода была замечательная. Из-за вечных туч наконец-то выглянуло солнышко, оглушительно зачирикали воробьи, и весна уже недвусмысленно дала понять, что она пришла, что пора выбираться из спячки.

Кудряшова и выбралась. Выпрямилась, расправила плечи, подняла лицо к небу. Солнечный свет пробивался даже сквозь веки и бежал дальше по телу, наполняя Милу приятным теплом.

Она правитель третьего дома! Она Королева! И этот мир ей подчиняется.

Сердце глухо стукнулось в груди, Мила глубоко вдохнула. Пришла пора провести ревизию своих владений. Так, справа почерневший снег, слева ржавый забор, впереди улица и фонарный столб.

Над фонарным столбом стояло еле заметное мерцание.

Улыбка сбежала с лица. Мила несколько раз моргнула. Свечение осталось. Поискала глазами, кто мог бы подтвердить этот невероятный факт. Но вокруг, как назло, никого не было. Словно никому было неинтересно полюбоваться на такое невероятное природное явление. Тогда она снова покосилась на солнце – вроде не слишком яркое, поэтому напечь макушку да еще сквозь берет не могло – и снова глянула на столб.

Он сиял. Слабое свечение шло от него во все стороны, повторяя причудливые изгибы незамысловатой бетонной конструкции.

«Ой, мамочки! – ахнула Мила. – Неужели инопланетяне?»

Она, как загипнотизированная, двинулась к столбу, и свет вокруг него стал медленно гаснуть.

«Дурдом», – в сердцах решила Мила, теперь уже пятая ночь от столба. На душе стало нехорошо. Завтрак толкнулся в желудке, напоминая: если что, он может и выйти.

По телу пробежал озноб. Мила плотнее запахнула куртку и побежала к дому, стараясь больше ни на что не отвлекаться – ни на воробьев, ни на ручьи, ни на солнечные блики в лужах.

Дома ей стало еще хуже – голова гудела, по комнате плясали цветные пятна, стало тяжело дышать. Она легла на кровать, подтянула под живот подушку и закуталась с головой в одеяло. Перед глазами стояло ослепительное сияние, теперь оно было не только вокруг столба, но и вокруг всех предметов. Сияние летело по воздуху, как рой пчел. И гудело. Настойчиво, противно.

Звонок.

– Кудряшова! Ты чего? Совсем с крышей распрощалась?

Голос был странный. Он то приближался, то отъезжал. И был глухим, как в подземелье.

– Обещала тетрадку принести! Опять кинула?

Лисичка-сестричка.

– Ой! – только и успела сказать Мила, кладя на рычаг телефонную трубку и бросаясь в туалет – завтрак все-таки решил из нее выйти.

Комната продолжала ходить ходуном, но странное свечение осталось только вокруг лампочек.

«Инопланетяне», – решила Мила и побрела обратно в комнату.

На столе лежала тетрадка с романом.

Почему-то все это показалось глупым.

Мила силой заставила себя отойти от стола. Послышалось настойчивое жужжание.

«Инопланетяне...» – с усталой обреченностью вспомнила она, пытаясь представить, как они попадут в ее квартиру, ведь в окно летающая тарелка не пролезет.

– Кудряшова! Как ты? – надрывалась трубка.

– Чего-то плохо мне, – пробормотала Мила, отставив трубку на расстояние вытянутой руки и с интересом на нее глядя – по идее, пришельцы могли попасть к ней и по телефонным проводам. – Все кружится. А тут еще инопланетяне, – произнесла она уже в трубку, услышала в ответ испуганное «ой!» и нажала на рычаг.

Лисичкина хотела уточнить, что же конкретно произошло и вызывала ли одноклассница спасателей и президентов всех стран для иноземного контакта, но на том конце уже раздалась противные гудки, связь прервалась. Она помахала перед своим носом добытым у Чуйкиной диском и побрела в класс. Милино невероятное сообщение надо было обдумать.

Все еще держа в руке телефонную трубку, Мила вернулась в комнату. Вновь лечь не стоило – встречать инопланетян надо было хотя бы сидя.

Комната медленно накренилась.

Сейчас откроется окно – и все. От них не спрятаться.

– Кудряшова! Ты совсем, что ли?

Голоса ворвались одновременно со всех сторон, и Мила сперва не поняла, почему инопланетяне имеют такие знакомые голоса и невероятно похожие лица, прямо один в один Ленка и Верка. Ну, с Лис все понятно, она оборотень, а Замятина то как затесалась в эту компанию? Люди X прямо какие-то...

– Милка! Ты чего? – ахала, двоясь и расплываясь, Ленка. – Лис, звони Верещагину, пускай шухер наведет.

– Может, ее гантелей стукнуло? – Голос Веры удалялся, удалялся, превращаясь в тонкую ниточку.

– Быстрее!

Над ней склонились. Что-то неясное и страшное. Смотреть на это не хотелось, и Мила зажмурилась.

Когда она снова открыла глаза, мир вокруг показался ей непривычно четким. В сумерках все было контрастным – светло-темным. А еще были голоса. Негромкие. На кухне. Лилась вода.

Мила села в кровати, с плеча сполз плед. Подошвы неприятно покалывало миллионом иголочек, словно она лежала ногами вверх. Голова была легкой.

Хлопнула входная дверь.

Это было странно. Родичи на работе, дома никого не должно быть. А тут столпотворение, как в хороший праздник.

– Пингвин сказал, все в порядке. Ничего страшного.

Баркас!

Она встала. Невесомость головы передалась телу. Еще чуть-чуть, и она взлетит. Стоит только взмахнуть руками...

Верещагин стоял в прихожей, стаскивая с ноги огромные шuзы какого-то невероятного размера.

– Да вот она уже и стоит.

Вода на кухне выключилась, из-за поворота показались перепуганные Вера с Леной.

– А мы тут посуду помыли, – растерянно пробормотала Лена, вытирая руки о джинсы. – И пол подмели.

– Переутомилась она, короче, – Антон бросил косой взгляд на Кудряшову и стал заново шнуровать ботинки. – Пингвин говорит, такое бывает, если с непривычки рано встать. Ложиться надо вовремя. И, это, чай сладкий с лимоном выпить.

Мила с удивлением обвела взглядом присутствующих.

– А чего вы тут делаете? – задала она, наверное, самый бестолковый вопрос за сегодня.

– Это ты чего тут умирающую из себя корчишь! – выскочила вперед Лисичкина. – Обещала вернуться через пять минут и исчезла. Я диск взяла, а ты... Прихожу – дверь открыта, и ты как мертвая лежишь.

– Дверь забыла закрыть, – пробормотала Мила, отступая обратно в комнату.

Она с недоверием глядела на Антона, уже почти справившегося со своей обувкой. Если ей плохо, то и ему должно быть нехорошо. Верещагин почувствовал на себе ее взгляд и засопел громче.

– А ты себя как чувствуешь? – с нажимом спросила Мила.

– Нормально, – отозвался Антон, не глядя пытаясь нащупать замок.

– Ничего не болит? – продолжала пытаться Мила.

– Чего у меня болеть может? – буркнул Верещагин, наконец-то справившись со сложными запорами. Щелкнул замок. – Я сходил, все узнал. Надо будет что еще – звоните, я на трубке. Если смогу – помогу. Белов меня там ждет. Пошел я.

Три пары глаз наблюдали за спешным отступлением одноклассника, а потом Вера с Леной дружно уставились на Милу.

– Лена, дай мне гороскоп... – вялым голосом попросила Мила, оглядываясь на кровать: под защитой пледа ей сейчас было бы гораздо лучше.

– Ты себя нормально чувствуешь? – на всякий случай спросила Вера. – Тетрадку-то верни.

– На столе твоя тетрадка.

Она взяла из рук подруги журнал, открыла его на уже замаявшейся странице с астрологическим прогнозом.

«Близнецы правят третьим зодиакальным домом...»

Правят третьим домом...

Мила и не заметила, как плечи ее расправились, на губах заиграла довольная улыбка.

– Совсем чокнулась, – недовольно буркнула Лисичкина, разбрасывая учебники. Стол был завален чем угодно, только ее тетрадки видно не было.

«Правят...»

Да, именно правят. И это, без сомнения, она.

– Тетрадка где? – встряхнула ее Вера.

– Там где-то... – Мила ткнула пальцем в пол.

– Ладно, попросишь у меня еще что-нибудь, – проворчала Лисичкина, разгребая завалы под столом. Найдя наконец свою тетрадку, она возмущенно протопала в коридор. Благодарности от Кудряшовой ждать не приходилось, поэтому лучше было уйти.

– Ты всех напугала, лежала трупом... – Лена проводила взглядом уходящую Веру и выразительно покачала головой: с Милой надо было уметь общаться, а вернее, стоило запастись терпением, но именно его Лисичкиной всегда не хватало. – Лис предлагала «Скорую» вызвать.

«Вы будете чувствовать себя в этот день очень комфортно, хотя посуетиться и слегка понервничать вам все же придется. Комфортность будет связана с тем, что вы прекрасно впишетесь в общие тенденции этого дня, когда от людей будут требоваться мобильность, коммуникабельность, общительность, быстрота реакции, а также интеллектуальность и разносторонность».

Блин, как много путаных слов. «Мобильность, коммуникабельность, общительность...» Не могут нормально сказать, обязательно надо выпендриться.

– Хорошо, она догадалась у Пингвина спросить, что у тебя, – Ленка устроилась около стола и перебирала валяющиеся на полу журналы. – Он, оказывается, рубит в медицине. Я-то думала, ты отравилась. А это всего лишь недосып. Баркаса бегать заставили. Он три раза туда-сюда смотался.

Ага! Значит, мобильность. Вот Тоха сегодня мобильность показал, поработал челноком, вернее, баркасом между двумя берегами. А чего он так всполошился? Или ему, правда, гантелей по голове стукнуло? Хотя нет, если он не Близнец, то при чем здесь мобильность? Ох, и запутанное это дело – гороскопы!

– А Лис, представляешь, – захохотала Замятина, – только мы вошли, развила такую активность! Схватила веник и давай подметать, говорит, где больной, там должно быть чисто. Потом за посуду взялась. Я говорю, ты посмотри, может, белье грязное, где лежит, а она только отмахивается, и давай тарелки до блеска надраивать. Я ей: «Лис... Остановись...»

– Слушай, – Мила медленно сложила журнал. – Неужели мы с Верещагиным похожи?

– Ты чего? – фыркнула Ленка, от смеха чуть не падая со стула. – Правда, что ли, приболела?

– Вот я и думаю, совсем ведь не похожи, а знак один. Может, он заливает, никакой он не Близнец? Он же родился 23 мая. В тот год наверняка солнце слегка задержалось в предыдущем знаке. Вот и выходит, что он Телец, а никакой не Близнец.

– Чего ты в него сегодня вцепилась? – Ленка с подозрением глянула на подругу. – Он тебе дорогу, что ли, перебежал?

– Странно, – Мила посмотрела в окно. – Сказано, что день удачный... Ему ничего, а я свалилась. Точно не Близнец.

– Ага, тогда выходит, что он Близнец, а ты так, погулять вышла, – хихикнула Замятина, но внимательного взгляда не отвела. – И вообще, неизвестно еще, кому повезло! Ты ни на один опрос не попала, контрольную не писала, а его, может быть, на улице машина водой из лужи окатит. Тоже удовольствие!

– А Лис куда делась? – забеспокоилась Мила, с тревогой оглядывая комнату, словно невысокая Вера могла где-нибудь спрятаться.

– Здравсте, приехали! – всплеснула руками Лена и снова захохотала. – Ты тут или нет? Ушла она. Забыла? От двери «Пока!» кричала. Ты как раз в журнале закопалась. Совсем тебя этот волейбол доконал. Верка тут старалась, драила все, а ты и «спасибо» не сказала. Ей даже тетрадь свою пришлось искать. Знаешь, какая она была обиженная! – Лена вытерла выступившие после смеха слезы и вдруг стала серьезной. – Зря ты с ней так. Теперь списывать не будет давать, а нам на завтра математики выше крыши задали...

– А диск? Диск с фильмом? – забеспокоилась Мила. – Она ничего не оставляла?

– Не знаю, – пожалала плечами Лена. – Диска у нее в руках не было. – Замятина глянула на стол, словно коробка с диском могла лежать поверх тетрадок и учебников. – Слушай, а как твой роман? – встрепелась она, заметив знакомую тетрадку с бледно-зеленой ободранной обложкой. Лена на правах подруги была посвящена в тайну существования романа. Впрочем, этой же тайной владели почти все девчонки их класса.

– Двигается, – слабо улыбнулась Мила, мысль о романе ее сегодня не радовала. – Сон сегодня был хороший. – Она резко выпрямилась, сбрасывая с колен журнал с гороскопом. – Но как же так получается? Такие разные – и один знак!

– Ой, ну, наверное, есть в вас что-то одинаковое, – Лена придвинула к себе зеленую тетрадку. – Зачем о нем столько думать? Верещагину сейчас небось икается...

– А я решила, что это инопланетяне. – Мила наконец улыбнулась, и Лена мысленно облегченно вздохнула – кажется, подруга начала приходить в себя. – Иду, а вокруг фонарного столба свет. Ну, думаю, все, креста пошла. Вхожу в квартиру, тут тоже – вокруг лампочки радужный такой ореол. Я и собралась ждать инопланетян, а тут вы с Баркасом появились. Вот это тема!

– Свечение вокруг столба? – ахнула Лена. – На самом деле, что ли?

– Чего не на самом-то? – обиделась Мила. – Как тебя все это видела.

– Надо же! – с сомнением пробормотала Замятина. – Свечение... Я что-то такое слышала... Эти огоньки как-то называются...

– Огни Святого Эльма! – выкрикнула Мила, довольная, что вспомнила. – Только это не то. Огни Святого Эльма вроде огоньков вокруг высоких предметов в очень жаркую погоду, типа маленьких электрических разрядов. По телевизору передача была. Если такие огоньки загораются, то для моряков это знак удачи. Но сейчас не жарко, и мы не на корабле.

– Знак удачи! Это то, что нужно, – подпрыгнула на месте Лена. – Сама же говорила, что по гороскопу день у тебя сегодня хороший. Вот все и подтверждается!

– Ничего себе хороший день, – мрачно хмыкнула Мила, одергивая сбившееся покрывало на диване. – Чуть концы не отдала.

– Ну ладно, – засобиралась Замятина. – Ты тут отлеживайся, а я побежала. Завтра до школы дойдешь?

– Если звездный расклад будет удачный, – мрачно хмыкнула Мила и забормотала вдруг всплывшую в памяти песенку: «В ночь перед бурей на мачтах горят Святого Эльма свечи, отогревая наши души за все ушедшие года...»

Где-то у нее в шкафу валялась книжка про знаки Зодиака. Почитать, что ли? Просветиться?

Она потянула на себя ящик письменного стола, про Лену она тут же забыла.

Замятина секунду постояла, глядя в склоненный затылок подруги. Не дождавшись больше никаких знаков внимания, она вздохнула и пошла переобуваться.

Она не обижалась на Милу. Давно уже не обижалась. Мила была единственным человеком, с которым Замятиной было хорошо, а главное, интересно. Вечно у этой сумасшедшей Кудряшовой в голове какие-то идеи. Сидит на уроке, а думать может о прошлогоднем лете. Говоришь с ней об одном, она слушает, кивает, а потом вдруг совершенно о другом начинает спрашивать. К тому, что Милка все забывала, не выполняла обещания, а то и вообще могла посреди разговора встать и выйти, надо было привыкать сразу, иначе и часа рядом с Кудряшовой не протянешь. Лена из-за этого несколько раз с ней ругалась. По-крупному. С хлопаньем дверью. Так ругалась, что после этого уже ничего не могло быть. Но на следующий день они встречались в школе, Мила первая подходила к Лене и начинала говорить так, словно ссора приснилась Замятиной в кошмарном сне.

Когда это случилось первый раз, Лена долго таращила глаза, вглядывалась в спокойное лицо подруги, пытаясь разглядеть в нем подвох, все ждала, что в зеленых глазах вдруг проскользнет ехидная искринка, и Мила противным голосом заявит, что она Лену разыграла.

Но ничего этого не было. Мила оставалась прежней – среди разговора замолкала, убегала не дослушав, сорила бредовыми идеями, а заканчивалось все тем, что в какой-то момент она замыкалась, уткнувшись в книжку.

Вот и сейчас. Они столько вокруг нее скакали, Антоха избегался, Верка полы драила, вся школа, наверное, на ушах стоит, а Мила проснулась и даже «спасибо» не сказала. А напომни ей об этом, она еще сама обидится.

Лена поджала губы, плотнее запахивая воротник куртки. Смеркалось. Разогревшая всех весна ушла, уступив место зиме, вкрадчиво пробирающейся под тонкие брюки и куртки, в холодные ботинки и перчатки.

А все-таки без Кудряшовой было бы скучно. Только Милка может уболтать любого преподавателя до того, что он забывает, какая тема урока. Только Милка может уговорить народ ни свет ни заря прийти на тренировку. Только Милка, стоит ей лишь захотеть, заставит этот мир вертеться в другую сторону. Она веселая. Всегда разная. И сама не знает, что хочет.

Лена дружит с Милой сто лет. Они сошлись в четвертом классе, когда к ним в школу пришла Зоя Семеновна вести кружок по рукоделию. Мила в два приема выучилась всем этим мудреным стежкам и швам, засыпала свою комнату самодельными платочками, подушечками, салфеточками и так же молниеносно ко всему этому остыла. Девчонки еще учились нитку в иголку вдевать, а она уже прожигала насквозь доски самодельным прибором для выжигания,

потом пошла в секцию легкой атлетики. Потом на неделю исчезла из школы. Нашли ее в... библиотеке. В читальном зале. Она брала там какую-то книгу и весь день читала. Одна в огромном читальном зале. Библиотекарша не выдержала и позвонила по номеру, указанному в карточке. То-то родители обрадовались, когда узнали, чем вместо школы занимается их любимая дочка.

Но последним фантастическим изобретением Милы были сны. Приключенческими книгами она зачитывалась, даже какой-то там сериал до бесконечности смотрела, сбегая с последних уроков. А потом стала сочинять сама. И не просто сочинять. Однажды Кудряшова пришла и заявила, что ей приснился потрясающий сон. Она его уже записала. И сегодня ночью собирается смотреть продолжение. На следующий день в тетрадке появилась пара новых исписанных страниц. Потом еще, еще. И вот уже сколько времени она носится со своими снами.

То ли сумасшедшая, то ли гений. Менделееву, вон, таблица во сне приснилась, кому-то там музыка...

С гороскопом ее смешно переклинило. Неужели она считает, что все люди одного знака должны быть похожи? Вот умора! Это на нее так переутомление действует, не иначе.

С этими мыслями Лена свернула к своему подъезду, даже не догадываясь, что на этом ее правильная размеренная жизнь закончилась. Что внезапно родившаяся идея в голове одного человека способна встряхнуть жизни десятка других.

Глава 3

Гороскоп на все случаи жизни

«Противоречивые натуры. Во всем стараются найти выгоду. Щедрые на обещания, которые зачастую не выполняют. Руководствуются рациональными мотивами, а не зовом сердца. Даже в случае самопожертвования Близнецы находят веское обоснование своего поступка в собственных глазах и глазах окружающих. Любознательны. Любят смену деятельности. Способны к иностранным языкам, очень музыкальны...»

«День принесет неожиданности и сюрпризы. Пришло время проявлять изобретательность, действовать решительно и быстро – иначе вы рискуете упустить свой шанс. Ваши представления о мире меняются, начинается период переоценки ценностей, не останутся прежними и отношения с близкими людьми. Высока вероятность ссор с любимым человеком».

Мила попыталась сложить газету, но порыв ветра неправильно замял углы, и газета скомкалась, зашуршала, неприятно пачкая руки.

Ага! Сюрпризы начались.

Мыском ботинка она отбила недовольную дробь. Какого черта они договорились с Ленкой встретиться до школы? Замятина уже на целых три минуты опаздывает!

Холодный весенний ветер подгонял нехорошие мысли. В тонкой, не по погоде, куртке было зябко. Мила сунула бы руки в карманы, но мешала газета.

А вокруг все было так уныло и печально – коричнево-серое, мокрое, стывшее. И никакого просвета. Облака, ветер, слежавшиеся за зиму листья под ногами, скользкие дорожки.

Газета в руках шуршала, словно издеваясь, углы нарочно выворачивались в другую сторону. И кто только придумал такой неудобный формат? Мила рванула нужный ей кусочек с гороскопом. В глаза бросилась реклама «Гороскопы на все случаи жизни».

Так уж и на все?

– Ну, чего ты опаздываешь? – ринулась вперед Мила, как только Лена показалась из-за поворота.

– Это ты чего так рано пришла? – Лена потрясла рукой с часиками, проверяя, ходят они или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.